

Глава XXXIV

Планируя турне на время президентских выборов, мы не учли интереса американских масс к политическому цирку. В результате наша поездка стратовала неудачно. В Индианаполисе, первом городе, где мы рассчитывали на многочисленную аудиторию, мою лекцию обычным образом запретили. Мэр выразил сожаление по поводу превышения полицией своих полномочий, но не захотел перечить департаменту. Шеф полиции заявил, что запрет митинга с точки зрения закона выглядит не очень, зато весьма удачен с точки зрения здравого смысла.

В Сент-Луисе нам повезло больше, в этом городе нам никто не мешал. Там я познакомилась с Уильямом Мэрионом Риди, редактором St. Louis Mirror. Эта газета была оазисом в пустыне американской интеллектуальной жизни. Риди, одарённый, всесторонне развитый, обладал отличным чувством юмора и был отважен. Его дружелюбность сделала наше пребывание в Сент-Луисе приятным и привлекла к нам на лекции многочисленную и разнообразную публику. После моего отъезда он опубликовал в своём еженедельнике статью под названием «Дочь мечты». Более тонкого толкования моих идей и большей признательности за мой труд никогда ранее не проявлял ни один не-анархист.

В Сиэтле нас с Беном арестовали. Его преступление состояло в том, что он слишком сильно навалился на дверь зала, которая оказалась заперта, а моё — в протестах против его задержания. В участке оказалось, что цена преступления моего управляющего составила полтора доллара за сломанный замок. Мы оплатили ущерб, нанесённый неприкосновенности собственности, и были отпущены. Разумеется, в Сиэтле больше митингов не было, как и возмещения убытков, которые мы понесли.

В Эверетте для нас не нашлось зала. В Беллингеме наш поезд встречали сыщики. Они преследовали нас до отеля, и, когда мы вышли поискать ресторан, нас арестовали. «Не согласитесь ли вы подождать, пока мы поужинаем?» — спросил Бен с обаятельной улыбкой. «Конечно, — ответили детективы. — Мы подождём». В ресторане было светло и тепло, а на улице лил дождь, было зябко, но мы не чувствовали сожаления к нашим ищейкам. Мы ели не спеша, зная, что у нас впереди целая ночь в месте, которое не будет ни тёплым, ни светлым. В участке нам показали ордер. Это был документ, достойный вечной славы. «Эмма Гольдман и Бен Рейтман, — говорилось в нём, — анархисты и преступники, замышлявшие провести незаконное собрание,» — и дальше в том же духе. Нам предложили выбор: немедленно покинуть Беллингем или отправиться в городскую тюрьму. Это было первое проявление гостеприимства в штате Вашингтон, и мы решили в пользу тюрьмы. В полночь предложение покинуть город поступило ещё раз, но так как я уже уютно устроилась в камере, то отказалась уезжать. Бен поступил так же.

Утром мы предстали перед полицейским судьёй, который назначил за нас залог пять тысяч долларов. Было очевидно, что судья знал: полиция взяла на себя слишком много. Нас не

имели права судить только за «попытку» провести митинг, но мы были в их власти. Мы не знали никого в городе, и внести залог за нас было некому, связаться с адвокатом также не было возможности. Однако мне было интересно, как далеко может зайти узаконенная глупость.

Днём явились два незнакомца. Они представились как мистер Шамель, адвокат, и мистер Линч. Первый безвозмездно предложил свои услуги, второй был готов стать нашим поручителем.

«Но вы же нас не знаете, — удивилась я. — Как вы можете рисковать такими деньгами?»

«Да, конечно, — сказал мистер Шамель, — мы вас не знаем. Мы не анархисты, но считаем, что любой, кто отстаивает свои идеалы так, как это делаете вы, достоин доверия».

Если бы я ни боялась их смутить, я обняла бы их прямо в зале суда. Судья, который был так дерзок, когда мы стояли перед ним утром одни, без поддержки, теперь был сама предупредительность. Нас быстро освободили, а новые друзья покормили нас в ресторане и проводили на поезд.

Когда поезд доехал до Блейна, расположенного на канадской границе, в вагон вошёл человек, приблизился ко мне и спросил: «Вы Эмма Гольдман, не так ли?» — «А кто вы такой?» — «Я иммиграционный инспектор Канады. Мне приказано предложить вам сойти с поезда». Ну как было не повиноваться столь вежливой просьбе? В офисе старший инспектор, казалось, был удивлён, что я выгляжу как леди, и у меня при себе нет бомб. Он сообщил, что вынес из публикаций в американских газетах, будто я очень опасный человек. Поэтому принял решение задержать меня на въезде в Канаду, пока не получит инструкций из Оттавы. А сейчас он предложил мне располагаться поудобнее и чувствовать себя в его кабинете как дома. Если необходимо, мне принесут всё, что я захочу съесть или выпить. В случае задержки нам выделяют лучшие комнаты в местном отеле. Он говорил вежливо, таким дружелюбным тоном, какого я никогда не слышала от американских чиновников. И хотя в итоге его действия были теми же, я не была слишком возмущена очередным посягательством на мою свободу.

Утром наш дружелюбный инспектор сообщил, что из Оттавы пришла телеграмма с разрешением на въезд для Эммы Гольдман. В монархистской Канаде не было закона, который препятствовал бы моему визиту в страну. Американская демократия со своими антианархистскими законами теперь казалась ещё более нелепой.

Визита в Сан-Франциско мы ждали с наибольшим нетерпением. В результате нашей кампании за освобождение бывшего солдата Уильяма Бувалды президент Рузвельт его помиловал. Бувалду отпустили после десяти месяцев заключения, за две недели до нашего прибытия в город.

Из-за сильного ливня на первом митинге в театре «Виктори» людей было мало. Но мы не сильно переживали, так как предстоящие восемь лекций и двое дебатов были широко разрекламированы. На следующий день ко мне зашёл Уильям Бувалда. В этом человеке, одетом в гражданское, было трудно узнать солдата, чью руку я пожала в тот памятный

вечер на сцене Уолтонс-Павилион. Его славное открытое лицо, умные глаза и крепко сжатые губы указывали на независимость характера. Я удивлялась, как за пятнадцать лет военной службы его натура не подверглась деформации. Бувалда рассказал, что стал военным только из-за семейной традиции. Он был американцем голландского происхождения, и практически каждый мужчина в их семье служил в армии Голландии. Он верил в американскую свободу и считал, что вооружённые силы нужны, чтобы защищать её. Ему несколько раз попадалось моё имя в газетах. Он думал, что Эмма Гольдман сумасшедшая, и особо не вчитывался в статьи обо мне. «Это не очень лестно, — перебила я. — Как вы можете быть так грубы с дамой?»

«Но это правда», — улыбнулся он. Военные живут в своём собственном мире, пояснил Бувалда, и в последние годы он был особенно занят. Он прошёл курс ветеринарной хирургии, потому что безумно любил лошадей, а также изучал стенографию. Если вдобавок учитывать его обязанности в казарме, ему было недосуг иметь посторонние интересы.

Он случайно зашёл на тот митинг во время прогулки. Увидел толпу и полицию перед Уолтонс-Павилион, ему стало любопытно, и он решил попрактиковаться в стенографии, записав речь. «Потом появились вы, — продолжал он, — маленькая невзрачная фигурка в чёрном, и начали говорить. Мне стало не по себе. Сперва я думал, что это из-за духоты в зале и накалённой атмосферы. Я не забыл о цели, с которой пришёл. Какое-то время мне удавалось поспевать за вами, затем я начал отвлекаться на ваш голос. Я чувствовал себя захваченным вашим беспощадным осуждением всего, что я ценил так высоко. Меня переполняло чувство обиды. Захотелось протестовать, оспорить ваши утверждения перед всем собранием. Но чем больше я сопротивлялся вашему влиянию, тем больше очаровывался им. Я наслаждался вашим красноречием, не смея вздохнуть до конца выступления. Я был смущён и хотел сбежать. Но вместо этого был подхвачен толпой и оказался на сцене, где протянул вам руку».

«А после? — спросила я. — Вы видели сыщиков, которые за вами следили? Вы понимали, что вам грозят неприятности?»

«Я не помню, как вышел из зала, и не чувствовал, что сделал что-то плохое. Я был расстроен тем, что услышал, меня охватило смятение, вызванное вашей речью. Всю дорогу до Президио я думал: „Она неправа, неправа совершенно! Патриотизм — это не последнее прибежище негодяя. Милитаризм — это не только убийства и разрушения!“ Когда обо мне доложили старшему офицеру, меня арестовали. Я думал, что это какая-то ошибка, меня приняли за другого и освободят утром. Считать иначе означало бы признать вашу правоту, а я всем существом восставал против этого. Несколько дней я цеплялся за убеждение, что вы неверно представляли правительство, которому я служил пятнадцать лет, что моя страна была достаточно честна и справедлива и не могла быть виновной в том, в чём вы её необоснованно обличали. Но представ перед военным трибуналом, я начал понимать, что вы говорили правду. Меня спросили, что такого вы сделали для меня, почему я связался со столь опасной особой, и я ответил: „Она заставила меня думать“. Да, вы заставили меня думать, Эмма Гольдман, впервые за мои сорок лет».

Я протянула ему руку и сказала: «Теперь, когда вы свободны от военных оков, можем пожать руки без страха. Будем друзьями».

Он энергично пожал предложенную руку. «Друзья-товарищи на всю жизнь, дорогая великая маленькая Эмма».

Меня так увлёк его рассказ, что я не заметила, как настало время собираться на митинг. Я была неспособна есть перед лекциями, поэтому могла пропустить ужин. Но для своего гостя я оказалась плохой хозяйкой. Впрочем, новый товарищ галантно заверил меня, что есть он не хочет.

До зала оставался ещё квартал, когда мы увидели улицы, заполненные людьми. Я думала, что эту огромную толпу привлекли наши афиши, но когда мы подошли к театру «Виктори», я оказалась в объятиях сыщиков, которые меня тут же арестовали. Бувалда начал протестовать, и тоже был задержан. Нас затолкали в патрульную повозку, где мы обнаружили, что Бена постигла та же участь. Пока повозка с грохотом катила по улицам, он вкратце объяснил, что полиция приказала всем покинуть театр, орудуя дубинками. Разумеется, Бен воспротивился их действиям и был арестован. Он отправил человека предупредить меня, но очевидно, товарищ нас уже не застал.

В штаб-квартире полиции Уильяма Бувалду отпустили, вынеся строгий выговор за общение с «опасными преступниками». Меня и Бена обвинили в «заговоре, незаконных угрозах, применении силы и нарушении общественного порядка». Утром нас повезли к судье, который назначил залог в шестнадцать тысяч долларов за каждого. В тот же день арестовали Александра Горра за распространение листовок с протестами против действий властей. Задача собрать деньги на вылату залога, организовать защиту и дать делу огласку была возложена на Кассия Кука, человека, с которым я познакомилась случайно несколько лет назад. Он был стойким, как скала.

Через несколько дней Саша и наши друзья из Нью-Йорка телеграфировали, что вышлют пять тысяч на залог и соберут денег на защиту. Со всей страны начали поступать протесты и пожертвования. Чарльз Спрейдинг из Лос-Анджелеса, с которым я познакомилась в Денвере в своём первом турне по побережью в 1897 году, наш жизнерадостный Чарли, шутник и балагур, выслал две тысячи долларов. Форрестеры и другие приятели помогли тем же образом. Что значат неприятности, если есть товарищи, готовые помочь?

Наши адвокаты, господа Кирк и Кинг, умные и смелые люди, приложили максимум усилий, и через несколько дней мистеру Кирку удалось добиться освобождения под залог. Нас должны были выпустить и передать под его опеку. Но неожиданно появилось новое обвинение, на этот раз в «незаконном собрании, заявляющем нецелесообразность всех организованных правительств» и — о, ужас! — в «пропаганде анархистских доктрин». Был установлен залог в две тысячи долларов за каждого. Сперва должны были судить меня, а затем Бена.

В одном из сенсационных репортажей о разгоне нашего митинга в прессе Сан-Франциско автор разглагольствовал об «отсутствии сострадания и чувств у Эммы Гольдман». Когда она

была в тюрьме, ей передали телеграмму, извещавшую о смерти отца, и Гольдман приняла её без малейшего признака эмоций, рассказывалось в статье. В действительности кончина отца, хоть я и была к ней готова, тронула меня до глубины души и напомнила подробности его впустую растраченной жизни. Инвалид уже больше тридцати лет, в последнее время он болел чаще обычного. Я виделась с ним в последний приезд в Рочестер в октябре и была потрясена тем, насколько он близок к смерти. Когда-то великан, теперь он был разрушен штормами жизни.

С годами я стала лучше понимать отца, и взаимная симпатия постепенно сблизила нас. Моя любимая Елена помогла мне изменить своё отношение к нему. Также было полезным в этом смысле осознание сложности сексуальности как силы, превалирующей над нашими чувствами. Я научилась лучше понимать свой бурный характер, и этот опыт помог ясно увидеть то, что прежде было необъяснимо в натуре отца. Его жестокость и суровость были симптомами мощной сексуальности, которая не смогла найти адекватного выхода.

Моих родителей поженили по еврейской ортодоксальной традиции, без любви. Это был мезальянс с самого начала. В двадцать три года мать осталась вдовой с двумя детьми, и маленький магазинчик был её единственным имуществом. Её способность любить умерла с молодым человеком, за которым она была замужем в пятнадцать лет. Отец привнёс в брак пламя юношеской страсти. Жена была всего лишь на год старше и пленяла красотой. Естественная потребность организма влекла его к ней и делала весьма настойчивым, а мать отбивалась от его ненасытного голода. Я стала четвёртым ребёнком, и каждый раз роды едва не сводили её в могилу. Я вспомнила кое-какие замечания, которые она обронила, когда я была ещё слишком мала, чтобы понимать их значение. Они пролили свет на все неясные моменты и помогли осознать, каким чистилищем была для обоих родителей их интимная жизнь. Наверняка они были бы поражены, если бы кто-то указал на настоящую причину их войны и отцовского буйного темперамента. Ухудшение здоровья снизило его сексуальную энергию и вызвало соответствующие изменения психики. Отец стал более мягким, терпеливым и добрым. Привязанность, которую он редко демонстрировал к своим детям, теперь он щедро изливал на двух моих сестёр. Когда я упомянула суровые методы воспитания, которые он применял к нам, отец уверял, что это не может быть правдой. Нежность, проявившаяся в его натуре, затмила даже память о прежней жестокости. Лучшее в нём, ранее скрытое эмоциональным стрессом, борьбой за существование и годами физических страданий, наконец, могло полностью проявиться. Теперь он демонстрировал нам свою привязанность, которая в свою очередь пробудила ответную любовь к нему.

Судебный фарс в Сан-Франциско, в итоге которого нас оправдали, сделал для анархизма больше, чем пропаганда, которую мы вели бы месяцами. Но самым значимым событием стало письмо, которое Уильям Бувалда отправил военным властям, и его вступление в наши ряды. Этот исторический документ, опубликованный в майском выпуске Mother Earth за 1909 год, гласил:

Хадсонвилл, штат Мичиган 6 апреля 1909 г. Уважаемому Джозефу Дикинсону, Военному министру, Вашингтон, округ Колумбия Сэр, После некоторых размышлений я решил выслать этот жетон в ваш департамент, поскольку больше не нуждаюсь в подобных побрякушках. Вы вольны отдать его тому, кто будет ценить его больше меня. Он напоминает мне о верной

службе, выполненном долге, неразлучной дружбе, дружбе, окрепшей в опасностях, лишениях и страданиях, разделённых в лагере и в бою. Но сэр, также он говорит мне о кровопролитии — возможно, часто неотвратимом и неумышленном — в защиту наших родных и наших домов, которые иногда не более, чем просто хижины из соломы, но и ими дорожат не меньше. Это воплощение налётов и поджогов, множества пленных, которых бросают в клетки, словно мерзких животных. И для чего? Чтобы защитить свой дом и своих близких. Он напоминает мне о Приказе № 10026 со всеми вытекающими ужасами, жестокостью и страданиями; о стране, опустошённой огнём и мечом; о бессмысленно убитых домашних животных; о мужчинах, женщинах и детях, на которых охотятся, как на диких зверей, и всё это во имя Свободы, Человечности и Цивилизации. Короче говоря, он напоминает мне о Войне — узаконенном убийстве, если хотите, — против слабых и беззащитных людей. Мы не можем оправдываться самозащитой.

С уважением,

У. Бувалда

Донесение № 3

Хадсонвилл, штат Мичиган

Отъезд в Австралию был запланирован на январь. Арест и борьба за свободу слова в Сан-Франциско вынудили нас отложить турне до апреля. Наконец мы были готовы, чемоданы собраны, большая прощальная вечеринка организована. Мы почти отбыли, когда телеграмма из Рочестера разрушила наши планы. «Вашингтон аннулировал гражданство Кершнера, — гласила она. — Покидать страну опасно».

Сестра писала мне пару месяцев назад, что два подозрительных человека собирают информацию о Кершнере. Он уехал из города несколько лет назад, и с тех пор его не было слышно. Не найдя Кершнера, эти люди стали надоедать его родителям и пытаться получить информацию у них. Тогда я просто выбросила это из головы, так как не сочла важным. И теперь удар застал меня врасплох. Меня лишили гражданства без всякой возможности обжаловать действия федеральных властей. Я знала, что если покину страну, мне больше не позволят вернуться. Пришлось отменить австралийское турне и понести огромные финансовые потери, не говоря уже о напрасных тратах наших друзей в Австралии на подготовку моих мероприятий. Это было горькое разочарование, к счастью, значительно смягчённое неистребимым оптимизмом моего бродяги-управляющего. Его энтузиазм только возрастал с каждым новым препятствием. Он был полон энергии и неутомим.

Поскольку от Австралии пришлось отказаться, мы отправились в Техас. Эль-Пасо, Сан-Антонио и Хьюстон стали нашими новыми землями. Мне советовали избегать расового - вопроса, но, хоть я и не сделала никаких уступок предрассудкам южан, мне никто не досаждал, и полиция не вмешивалась. Мы с Беном даже прогулялись из Эль-Пасо в Мексику и обратно, прежде чем американский миграционный инспектор успел понять, какой шанс избавить своё правительство от угрозы Эммы Гольдман он упустил.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 18 апреля 2025 19:47:44

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 18 апреля 2025 19:48:14